50/50

Мы и другие
Nous et les autres

Общество и настроения
Sociétés

Наследия и реальности
Héritages et pratiques

Чаяния
Aspirations et prospective

Опыт словаря нового мышления

Под общей редакцией
Юрия Афанасьева и **Марка Ферро**

В работе над подготовкой словника, в подборе авторов, отборе статей также принимали участие:
Мария Ферретти, Вероника Гаррос, Мари-Элен Мандрильон, Галина Козлова, Клаудио Ингерфлом, Владлен Сироткин

Прогресс Пайо
Москва
1989

Идентичность, культурное самосознание

Леонид Гозман
Александр Эткинд

Идентичность — субъективное переживание человеком своей индивидуальности. Человек, рассмотренный в структуре философских категорий «общее — особенное — единичное», предстает как: а) человечество в целом и общечеловеческое в каждом конкретном представителе нашего рода; б) определенная общность людей (расовая, национальная, классовая, конфессиональная, профессиональная, половая, возрастная, характерологическая и пр.) и проявления этой общности в конкретных людях; в) отдельный человек в конкретной единственности своего реального существования. Эта трехуровневая структура представляет собой, по-видимому, одну из важных универсалий бытия и самосознания человека.

Каждый из этих уровней существует как объективная реальность. Человечество есть биологический вид, связанный единством происхождения и возможностью потенциального скрещивания. Одновременно — это очевидное нам сегодня социально-экономическое единство. Генетическая, экологическая, экономическая, культурная общность человечества в разной степени отражается разными историческими эпохами; по-разному осознается она и разными людьми одной и той же эпохи.

Общности среднего уровня также имеют, как правило, ту или иную объективную основу. Основа эта может быть биологической (общность пола, возраста, расы, темперамента и т. п.); она может быть выражением социальной дифференциации человечества (государства, классы, профессиональные группы и т. п.) ; общность может быть и культурной (по языку, религии, вкусам или интересам и т. п.). Общности среднего уровня, подобно фонемам, конструируются как системы оппозиций. Они, как правило, противопоставлены друг другу и вне «своего другого» не могут быть определены. Таковы, например, отцы и дети, мужчины и женщины, правые и левые, экстраверты и интроверты, начальники и подчиненные и т. д.

Отдельный человек есть также объективное анатомо-физиологическое единство. Он есть, далее, продукт социализации и результат движения по объективно уникальной и непрерывной траектории жизненного пути. Он есть единый по своему существу субъект деятельности и носитель определенных культурных ценностей. И вместе с тем уровень развития человеческой индивидуальности как целостности и уникальности характеристик данного человека может изменяться в огромном и очень значимом диапазоне. Столь же вариативен и уровень осознания человеком своей индивидуальности.

В субъективной реальности любого индивида в большей или меньшей степени представлены все эти три уровня. Это соотношение, которое может быть резко различным в зависимости от культуры, личности, исторического или психологического уровня развития индивида, и составляет структуру идентичности.

В отличие от представителей естественных наук, объясняющих изучаемые ими явления, но не оценивающих их, мы не можем и не хотим уклоняться от этической оценки различных вариантов идентичности.

По-видимому, историческое и личное «взросление» человека выражается в диалектическом процессе расширения его идентичности до масштабов человечества и одновременно углубления ее до все более полного и конкретного принятия своей уникальной индивидуальности. Все более актуальными становятся общечеловеческие ценности, все более выраженными — индивидуальные особенности. И одновременно размываются, обесцениваются, становятся неактуальными и как бы прозрачными границы расы, нации, сословия, темперамента, даже пола и возраста. Через идентификацию с человечеством человек приходит к подлинному осознанию своей индивидуальности, и, наоборот, приобщение к общечеловеческим ценностям возможно лишь через полное выражение своей самобытности. Замыкание человека на общностях среднего уровня ведет к остановке его развития, ограничивает возможности проявления его индивидуальности.

Общности среднего уровня неоднородны, и психологический смысл идентичности, основанной на них, определяется характером самой общности. Среди них есть общности естественные, натуральные, такие, как пол, возраст, раса. Осознание своей идентичности, базирующееся только на них, например: «я — мужчина, все остальное несущественно», является безусловным сужением и примитивизацией реального богатства и многообразия связей человека с миром. Яростные феминистки абсолютизируют свою принадлежность к женщинам, расисты — белые или черные — к расе. При этом упрощается не только оппозиционная группа — мужчины, «старшие», другая раса, — но и своя собственная, которая предстает средоточием всевозможных положительных характеристик. В сознании носителей такого рода идентичности человечество сливается со своей группой, общегуманистическое осознание себя становится фактически невозможным.

Однако полное игнорирование на субъективном уровне принадлежности человека к натуральным группам тоже вряд ли может приветствоваться. Оно означает явную когнитивную неадекватность. Не замечать отличия цвета кожи африканцев от цвета кожи европейцев — это не отсутствие расизма, а отрицание реального разнообразия мира. И идентификация женщины с человечеством не будет полной, если она не осознает, что человечество состоит из таких, как она, — женщин, и из тех, кто отличается от нее, — мужчин.

Развитой подросток понимает, что с годами неизбежно перейдет в другую, чуждую и далекую для него сейчас группу стариков, интеллигентный мужчина чувствует примат общечеловеческих особенностей над половыми да и знает, что в ходе возрастной инволюции половые различия сглаживаются. По-видимому, идентичность, основанная на включенности в натуральные группы, нормальна и продуктивна тогда, когда индивид осознает парциальность и, в некоторых случаях, временность своей принадлежности к ним.

Часть общностей среднего уровня не имеет натуральной основы. Оценка включенности их в идентичность зависит от двух факторов — является ли человек хоть в какой-то степени субъектом этой общности, то есть вносил ли вклад в ее создание и развитие, и добровольна ли его принадлежность к ней. Чем больше субъектность человека по отношению к данной общности и чем более добровольный характер носит его присоединение к ней, тем более естественной представляется включение ее в итоговую идентичность. Однако значительная часть общностей среднего уровня, в которые входит человек, никак от него не зависит — далеко не все могут чувствовать себя субъектами своей национальной культуры и языка, научных сообществ или социальных институтов, членами которых они являются. Более того, даже в условиях формальной политической свободы реальная возможность выбора между различными общностями среднего уровня для многих людей весьма ограниченна. Так, жители маленького городка, восемьдесят процентов населения которого работают на одном заводе, фактически лишены возможности выбора работы и, соответственно, принадлежности к той или иной профессиональной группе. В условиях однопартийной системы выбор ограничен принятием решения о том, состоять или не состоять в партии; выбирать — в какой состоять — не приходится. И имеющийся выбор в большинстве случаев представляет собой лишь проявление решения по другому, более общему вопросу — включаться или не включаться в социальную систему, делать официальную карьеру или отказаться от нее. Идентичность, основанная на вынужденном включении в общности, субъектом которых человек не является, представляется наиболее противоестественной и деструктивной. Отметим, что система часто требует именно такого типа идентичности. Так, молодого человека, призванного, вне зависимости от его желания, в армию и направленного для прохождения службы в часть, которую он не выбирал, ведут в музей боевой славы этой части и требуют гордиться своим подразделением, то есть строить отныне свою идентичность именно на основе принадлежности к нему. Карикатурные и не имеющие никакой психологической базы формы местного или ведомственного патриотизма — их можно назвать феодальной идентификацией — служат проявлением такой политики системы.

Миграционные процессы внутри страны и эмиграция за рубеж, рост политической и экономической свободы приводят

к тому, что число общностей среднего уровня, в которые включается человек, резко возрастает. Человек, воспитанный в рамках одной культуры, а живущий в условиях другой или воспитанный в контексте нескольких культур одновременно, — узбек, переехавший в Москву, советский еврей, эмигрировавший в США, выходец из мусульманской семьи, принявший христианство, — все они объективно принадлежат не к одной, а сразу к нескольким культурам. Это не может не сказаться и на чувстве идентичности. Согласно традиционным взглядам, человек может принадлежать только к одной национальности, одной культуре и т. д. Вера в это толкает многих на сужение собственной идентичности и образа жизни. Так, эмигранты либо живут замкнутыми колониями, стараясь сохранить прежнюю идентичность (что тормозит их адаптацию и создает неизбежные трудности во взаимоотношениях с подрастающими детьми), либо отвергают свое прошлое, стремясь выработать в себе новую идентичность (например забыть о своем *советском прошлом и стать американцем). Представляется и* возможной, и наиболее выгодной для человека множественная идентичность (когда человек ощущает свою парциальную включенность в значительное число групп среднего уровня, в том числе национальных и культурных, — чувствует себя одновременно и узбеком и москвичом, советским евреем и американцем). Такая идентичность позволяет человеку использовать опыт одной группы для адаптации в другой и, не отказываясь от своего прошлого, вносить вклад в общность, с которой связано его будущее. Осознание же им уникальности своих связей с каждой из общностей составляет его индивидуальность.

Единство процессов идентификации и индивидуализации объясняет ограниченность и аморальность националистических да и любых иных идей, ставящих границы естественному стремлению человека к расширению своих идентификаций как способу развития своей уникальной человеческой сущности. Чем сильнее различаются люди, которых человек способен принять как равных себе, тем более широкой и, видимо, более зрелой является его идентичность.

Алан Финкелькраут

«Европеец XIX в., — писал Клод Леви-Строс, — провозгласил свое превосходство над остальным миром, похваляясь паровой машиной и другими техническими достижениями». Действительно, во имя этой уверенности Европа осуществила свою колонизаторскую политику. Технически грамотному и рационально мыслящему европейцу, воплощающему прогресс перед лицом других человеческих сообществ, завоевание представлялось наиболее быстрым и благородным способом, позволяющим приобщить отсталые народы к цивилизации. На развитые нации ложилась миссия: подстегнуть поступательное движение неевропейцев к образованию и благосостоянию. Западной цивилизации во спасение первобытных народов предстояло «поглотить» их отсталость.

Антропологи от Боаса до Леви-Строса первыми отвергли такой подход. Они не льстят свойственной европейцам гордыне, а пробуждают в них угрызение совести, изучая и утверждая системы представлений, возникшие как ответ на проблемы общественного бытия в человеческих группах, которые Европа взяла под свою опеку. Идее о существовании единственной развивающейся цивилизации, авангардом которой якобы является Европа, а высшим смыслом достижения — техническое господство над миром, они противопоставили концепцию равноправия культур и их неприводимого к общему знаменателю разнообразия. Исключительной роли культа аналитической мысли и утилитарного разума они противопоставили новые способы бытия и мышления, которые не обрекают человека на бесконечную эксплуатацию окружающей среды. По мере утверждения Западом своего мирового господства постоянно углублялись сомнения этнологов в его обоснованности.

Пережитое унижение оказалось спасительным и, вне всякого сомнения, помогло народам «третьего мира» освободиться от системы ценностей, во имя которой они были порабощены. Введение гуманитарными науками нетехнических критериев для определения уровня развития того или иного народа развенчало последнее обоснование европейского превос-

ходства. Запад раз и навсегда утратил в глазах своих жертв притягательную силу. Вновь обретали законное признание обычаи, которые не соблюдались в соответствии с упрощенческой концепцией прогресса; возродилась из забвения культура прошлого, подвергавшаяся замалчиванию и профанации в ходе форсированного марша, который Запад посчитал себя вправе навязать историческому процессу. Одним словом, культурное самосознание позволило порабощенным народам избежать подражания, утвердить свои особенности, вместо того чтобы униженно копировать поработителя, дало возможность гордиться своими обычаями, которых их принуждали стыдиться.

Но научно-техническое господство не исчерпывает все значение предпринятого европейцами завоевания. Для Европы характерна также оторванность личности от семьи, потомства, национальных особенностей и культуры. Корнелиус Касториадис пишет: «Разные человеческие общества почти всегда и почти везде имели разнородный характер, т. е. отличались незыблемостью существующих установлений, непоколебимостью племенных верований. Это, если вдуматься, «нормальное», даже, более того, наиболее вероятное состояние было действительно нарушено только в Европе. Только в Европе, сначала в Греции, а позднее вновь в Западной Европе, общество выработало способность сомневаться в самом себе». Иначе говоря, только в Европе культура (в этническом значении) была низвергнута с пьедестала и полностью разжалована политической и духовной свободой.

Критика европейского этноцентризма обратилась к понятию «культурное самосознание» и возродила тем самым романтическое понятие «народный дух», возникшее в качестве реакции на Просвещение и Французскую революцию, но не сумела различить два важнейших аспекта: технику и автономию. Роковое смешение понятий привело к печальному результату: многим бывшим колониям, добившимся независимости, пришлось оплачивать личной автономией высокомерие инструментальной рациональности, правами человека — паровую машину; культура, понимаемая как художественное и литературное творчество, была принесена в жертву культуре,

трактуемой как обязательная приверженность незыблемой традиции; демократия, позволяющая обществу полноценно раскрыть все свои возможности на основе самосознания, была принесена на алтарь культурного самосознания и его нерасторжимой целостности, в то же время неумолимо развивался в планетарном масштабе процесс, низводящий мышление до уровня вычислительных операций.

Неумолимость процесса выразилась и в том, что операционное мышление очень скоро усвоило критику, направленную в его адрес, и взяло на вооружение ключевые понятия антропологии. И действительно, где в конце XX века вербуются самые ярые защитники эквивалентности культур, как не в среде ученых, отвергающих в своей научной дисциплине принцип самоограничения и стремящихся продвигаться во всех возможных направлениях. Приведем пример. Тем, кто, подобно философу Хансу Йонасу, утверждают, что мы не свободны моделировать человеческий род по своему усмотрению, и считают, что мы принципиально не должны делать то, что подвергало бы опасности сущность человека, большинство биологов отвечают: сущности человека не существует, а с появлением этого возникает неисчерпаемое своеобразие культур; множественность является формой бытия человечества, и никто не вправе во имя человечества ограничивать операционную, манипуляторную и конструктивную свободу исследования, ставить под сомнение правомерность технического императива: «Следует делать все, что возможно».

Таким образом, операционная мысль кичится своими последними достижениями, обращаясь к языку и аргументам, еще недавно служившим ее развенчанию. Она не оставляет никаких прав символическому осмыслению бытия, отныне во имя достижения практических целей каждая культура создает свои собственные символы, и все формы организации человеческой жизни (от античных до божественных, от обряда удаления клитора у девочек в африканских племенах до определения пола эмбриона, а вскоре, возможно, выбора физических характеристик будущего ребенка в сверхразвитых обществах) достойны равного уважения. Культурный релятивизм далек от того, чтобы пробуждать новые угрызения совести

технократической цивилизации, напротив, на заре третьего тысячелетия он стал наилучшим оправданием ее экспансии и монопольного господства.